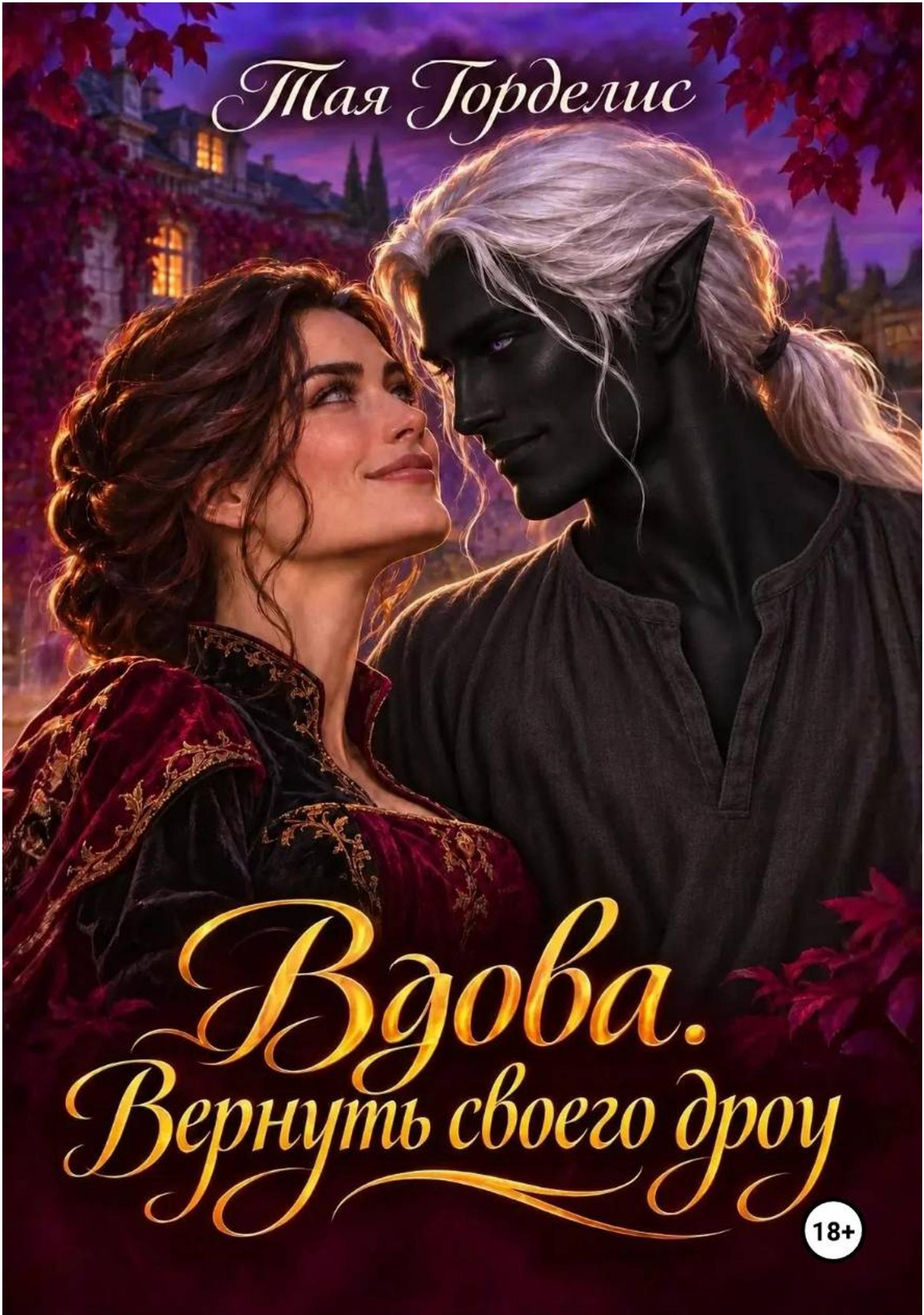
Тая Горделис

Вдова. Вернуть своего дроу

18+

Тая Горделис

Вдова. Вернуть своего дроу

«Автор»
2026

Горделис Т.

Вдова. Вернуть своего дроу / Т. Горделис — «Автор», 2026

— Ты меня не узнал? Это я, Аделия. — Я узнал вас, госпожа Эймар.Девять лет назад мать выдала меня замуж за другого. Теперь я вдова, а дроу, которого я так и не смогла забыть, принадлежит хозяйке другого дома.Как вернуть Роана, если я столько лет училась жить без него, а он уже решил, что у меня получилось?

© Горделис Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 22
Глава 6 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Тая Горделис
Вдова. Вернуть своего дроу

Глава 1

У крыльца дома Сарель карета ещё не остановилась, а Аделия уже увидела Марену. Сестра вышла встречать её в домашнем платье и накинутой кое-как шали, хотя утро выдалось промозглое. В письме она просила приехать, как только позволят дела в доме Эймар, и Аделия всю дорогу думала об этой вежливой оговорке. Со дня похорон Эдгара прошло меньше двух недель. Если Марена решилась вызвать её именно теперь, значит, оставаться с матерью одной ей было страшно.

— Она в сознании? — спросила Аделия, спускаясь с подножки. Марена взяла её под руку и повела к дому, где уже распахнули обе створки двери.

— С утра просила, чтобы ей принесли письма. Я принесла, и она велела унести, потому что не может разобрать ни строчки. Если спросит, как она выглядит, скажи, что прекрасно.

— Она потребует зеркало. Ты же знаешь, как она любит проверять, кто ей льстит.

Марена улыбнулась, как в те дни, когда они делили комнату из-за ремонта в детской Аделии. Тогда они смеялись, уткнувшись в подушки, потому что за стеной спала Вейра и утром могла потребовать объяснений, отчего обе такие сонные. Сейчас сестра сама распоряжалась в доме Лаверн и, судя по письмам, умела поставить на место даже родню мужа, а здесь просила Аделию солгать матери про цвет лица.

У дверей в верхнюю галерею стоял незнакомый дроу. Он отступил, опустив глаза, и Аделия подумала, что в её юности человек на этом посту обязательно должен был знать, где её искать, если она ускользнёт из дома. Роан обыкновенно начинал с сада и заглядывал за старую оранжерею, даже когда она уверяла его, что давно переросла эту привычку. Однажды он принёс ей туда плащ, а потом ждал под мокрым деревом, пока она согласится вернуться, потому что Вейра велела ему сопровождать её и он всерьёз относился к этой службе. Аделия давно знала, что его продали, и всё же, поднявшись по лестнице, успела поискать его глазами среди тех, кто вышел встретить её.

У матери горел огонь, хотя дров в камин положили совсем немного. Вейра сидела, опираясь спиной на подушки, и смотрела на раскрытое письмо, которое Марена всё-таки оставила ей. Седина у висков стала шире, чем Аделия помнила, а на подушке под её щекой виднелась вмятина. Должно быть, мать велела помочь ей сесть к приезду дочери и уже успела устать.

— Ты добралась к утру, — сказала Вейра. — Я думала, тебя задержат дела.

— Я выехала вчера. Марена написала, что ты больна, и я сразу велела готовить карету.

Вейра отложила письмо и предложила Аделии сесть на кровать. В детстве та усаживалась туда с ногами, пока мать перебирала счета или слушала, как дочь читает. Потом ей велели сидеть в кресле и помнить, что она уже взрослая. Сейчас она воспользовалась приглашением и села так близко, что мать могла до неё дотянуться.

— Марена всё делает правильно, — сказала Вейра. — Даже когда я прошу оставить меня одну, она сперва выясняет, чего я хочу, а потом решает, можно ли меня послушаться. Интересно, когда у неё появились такие замашки?

— Должно быть, в Лаверне. Ты выдала её замуж уже пять лет назад, могла бы и поинтересоваться, чему она там научилась.

— Я интересовалась. У неё в доме всё в порядке, вот она и приехала теперь наводить порядок у меня.

Аделия улыбнулась и увидела, как мать нащупывает на покрывале её пальцы. Вейра держала её руку так, словно собиралась сказать что-то ещё и хотела, чтобы дочь досидела до конца. За всю дорогу Аделия придумала несколько способов заговорить об Эдгаре, но теперь, рядом с матерью, ей захотелось хотя бы до завтра оставить его имя в покое. Последние дни её спрашивали, что сказал лекарь, в какое время всё случилось и кого муж успел позвать. С незнакомыми людьми было легче, потому что их можно было отпустить, как только закончится разговор.

— Как ты там одна? — спросила Вейра. — После похорон тебе, должно быть, ещё и двери закрыть не давали.

— На третий день я велела никого не принимать. До обеда продержались, а потом приехала женщина, которой Эдгар обещал помочь с сыном. Она думала, что теперь всё пропало. Пришлось самой искать его записи, и я нашла письмо, которое он успел написать за два дня до смерти.

Аделия помнила, как сидела в его кабинете вместе с той женщиной и искала имя её сына среди бумаг. Она открыла ящик и увидела запасные очки Эдгара, которые он постоянно терял и потом обвинял её в том, что она прячет их от него из вредности. Пришлось задвинуть ящик коленом, потому что женщина уже начала извиняться за визит, а Аделия знала, что та уйдёт, если заметит её слёзы. Они всё-таки нашли письмо и вместе прочитали его до конца.

— Он всегда помнил, кому что обещал, — сказала Вейра. — Я могла пожаловаться ему на какую-нибудь ерунду за ужином и через месяц узнать, что он этим занялся.

— Со мной он делал то же самое. Иногда я нарочно говорила ему, что справлюсь сама, и он потом целую неделю обходил меня с этим вопросом, пока я первая не сдавалась.

Мать засмеялась, но смех перешёл в кашель, и Аделия потянулась к стакану. Вейра взяла его обеими руками. Так она держала посуду в те редкие вечера, когда возвращалась домой с холода и пыталась отогреть пальцы, однако сейчас в комнате было жарко. Аделия дождалась, пока она напьётся, и поставила стакан рядом, чтобы мать могла достать его сама.

— Ты не обязана здесь сидеть до вечера. Иди поешь, а то Марена придёт и будет выговаривать нам обеим.

Аделия и в самом деле ушла, потому что мать закрыла глаза и едва слышно попросила оставить дверь приоткрытой. В коридоре она встретила Марену, которая уже поднималась наверх с тарелкой для неё. Сёстры поели в маленькой гостиной. Марена рассказала, что Вейра поначалу ещё вставала и требовала вести дела как прежде, а потом однажды спустилась к завтраку и ей пришлось звать людей, чтобы подняться обратно. Аделия слушала и всё пыталась вспомнить, о чём было последнее письмо матери. Кажется, о том, что она отдаёт старые книги в посёлок и спрашивает, нет ли среди них тех, которые дочь хотела бы оставить себе.

Вейра проспала до вечера, а когда проснулась, попросила Аделию вернуться. У постели стояло кресло, которое Марена подвинула поближе, и на этот раз Аделия села в него. Мать спросила, где похоронили Эдгара. Услышав, что в Эймаре, под деревьями за садом, она попросила сказать, по какую сторону от дорожки. Аделия объяснила, и Вейра посмотрела в сторону окна, словно отсюда тоже могла увидеть тот сад.

— Я помню это место, — сказала она. — Он когда-то показывал мне, куда хочет перенести беседку. Ему казалось, что там будет светло даже осенью.

— Беседку он так и оставил на прежнем месте. Мы к ней ходили, когда ему уже тяжело было гулять далеко, и он всякий раз ворчал, что с крыши капает на скамью.

Вейра поправила край покрывала там, где из шва выбилась нитка. Аделия видела, как она пытается подцепить её ногтем, и вспомнила, что мать всегда замечала такие вещи, когда хотела выиграть время перед вопросом. Обычно у Аделии бывало ровно столько же времени, чтобы придумать, в чём она могла провиниться.

— В последние дни он много говорил? — спросила Вейра. — Ты успела с ним побыть?

— Я была рядом. Днём ему было трудно разговаривать, а по вечерам он иногда просил посидеть с ним подольше.

Вейра оставила нитку и спросила, говорил ли он о ней. Аделия могла ответить, что да, и рассказать какую-нибудь историю про сад. Она знала, что мать примет такой ответ и даже поблагодарит, потому что так обеим будет легче. Эдгару при жизни хватило бы одной просьбы, чтобы она заговорила с Вейрой, но он за все эти годы ни разу об этом не попросил. Теперь Аделия могла сама решить, что делать с его словами.

— Он любил тебя, мама. Всё это время любил, и в последние дни говорил о тебе тоже.

Вейра прикрыла глаза, и Аделия услышала, как она произнесла его имя. Ей захотелось рассказать, что Эдгар умел вспоминать о Вейре с такой нежностью, что иногда Аделия сама уходила из комнаты, давая ему побыть одному. Хотелось спросить, зачем мать тогда пришла к нему с просьбой о свадьбе, если теперь ей так больно слышать его имя. Но Вейра повернулась к ней, и Аделия увидела, что она плачет. Ей так редко доводилось видеть мать в слезах, что она сперва потянулась за платком, словно это могло помочь.

— Я ведь сама к нему пришла, — сказала Вейра. — Мне казалось, он тебя убережёт. И он уберёг.

Аделия взяла её за руку. За все годы с Эдгаром она ни разу не пожалела, что рядом с ней оказался именно он, а в день свадьбы не могла смотреть на мать, потому что та сидела напротив и следила, чтобы дочь не забыла улыбнуться гостям. Аделия не знала, как сказать ей о том и о другом сразу. Она осталась у постели, пока мать не уснула, и, когда пришла Марена, попросила её посидеть рядом. Ей хотелось, чтобы сестра ещё успела побыть с Вейрой вдвоём.

На следующее утро Марена в слезах разбудила Аделию и сказала, что мать умерла. Аделия поднялась к ней и увидела Вейру с распущенными волосами, которые теперь можно было причесать как угодно, и она уже не потребовала бы, чтобы седые пряди убрали с висков. Аделия сама пригладила их. Потом позвала Марену, потому что вдвоём они могли побыть с матерью столько, сколько захотят, а за дверью уже ждали, когда старшая дочь выйдет и скажет, что делать дальше.

После похорон Марена задержалась в Сареле ещё на день. К вечеру её дорожный сундук стоял внизу, а сама она пришла к Аделии в комнату, где Вейра разбирала бумаги. За последние дни Аделии столько раз пришлось назвать себя хозяйкой дома, что она уже перестала ожидать, что мать поправит её из соседней комнаты. Но к креслу за письменным столом она пока не привыкла и, когда осталась одна, перенесла бумаги к окну. Оттуда был виден двор, где в её юности по утрам собиралась охрана.

— Я могу остаться ещё, — сказала Марена. — Дома подождут, а ты сегодня опять взялась за бумаги до завтрака.

— Поезжай. Я уже научилась переживать визиты людей, которые уверены, что вдова забудет поесть, если её об этом не спросить. А вот одну вещь я всё откладываю, пока ты здесь.

Марена осталась у окна, и Аделия отложила письма. В последние дни ей несколько раз хотелось спросить сестру о Роане, и каждый раз находилось что-нибудь, что можно было сделать прежде. Сейчас Марена ждала, а во дворе уже запрягали лошадей.

— Ты знаешь, кому мама продала Роана? Я давно хотела у тебя спросить, ещё когда приехала.

Марена посмотрела на неё, и Аделия сразу вспомнила, как сестра в юности отводила от неё чужие расспросы, умудряясь при этом ни разу не назвать Роана. Она всегда ждала, пока они останутся одни, и тогда спрашивала прямо, сколько ещё Аделия собирается заставлять её врать. Теперь у неё был тот же внимательный взгляд, только спросила она о другом.

— Ты хочешь его найти? Я думала об этом, когда узнала, что Эдгар умер.

— Хочу, — сказала Аделия. Она не ожидала, что ей удастся ответить так легко, и вдруг стало досадно оттого, что она успела передумать столько вариантов ответа по дороге в Сарель.

Марена придвинула к окну второе кресло и села рядом. Она сказала, что перед своей свадьбой попросила Вейру отдать ей Роана в подарок. Марена объяснила матери, что ей пригодится человек, который разбирается в оберегах, а в Лаверне как раз предстояло знакомиться с теми, кто отвечал за защиту дома. Вейра выслушала и отказала. Тогда Марена решила, что сможет заговорить об этом ещё раз, когда у матери переменится настроение, но до свадьбы выяснилось, что Роана уже продали.

— Ты ни разу мне об этом не говорила, — сказала Аделия. — Я знала про продажу, а про твою просьбу слышу впервые.

— Я хотела, чтобы он был у меня, пока ты за ним не придёшь. Если бы ты попросила, я бы отдала его тебе. А когда всё сорвалось, мне было стыдно рассказывать, что я взялась помочь и ничего не смогла сделать.

Аделия вспомнила сестру на её свадьбе. Марена весь вечер находила повод подойти к ней, а один раз увела из зала под предлогом, что ей нужно поправить причёску. Они смеялись, пока Аделия вытаскивала шпильку, которая колола сестре голову, и Аделия была уверена, что Марена просто устала от гостей. Ей и в голову не пришло спросить, о чём та думала в день, когда должна была радоваться тому, что у неё начинается новая жизнь.

— А после продажи мама хоть раз назвала имя? Может, сказала, из какого дома приезжали за ним?

— Я у неё спрашивала, — сказала Марена. — Она велела мне заняться свадьбой и больше к этому не возвращаться. Я так и не узнала, кому она его продала.

Снизу позвали госпожу Лаверн, и Марена пошла сказать, что ещё задержится. Аделия осталась у окна. Ей много раз представлялось, что она узнает, кому теперь принадлежит Роан, и тогда сможет решить, что делать дальше. Сегодня она впервые сказала вслух, что хочет его найти. Теперь ей нужно было выяснить, с чего начинать, если даже Марена не могла назвать ей дом.

Глава 2

Роан заметил повреждение в обереге, когда первая повозка уже тронулась к воротам. Над правой створкой одна из линий, которые он видел всякий раз, когда проходил под аркой, оборвалась у самого камня и снова появилась на расстоянии ладони. Возница щёлкнул вожжами, а конюх Дан, стоявший у головы лошади, повёл её к краю проезда, чтобы колесо не задело створку. Роан знал, что Дан всегда так делает на узких выездах, и в этот раз окликнул его прежде, чем успел подумать, слышно ли его за грохотом колёс.

— Дан, отойди от створки! Эй, на повозке, осади лошадь, пока не въехали под арку.

Дан отскочил, а возница придержал лошадь в двух шагах от арки. За ними одна за другой встали остальные повозки. Возницы начали переговариваться, а Дан остался у лошади, пока Роан осматривал кладку. Ночью ворота открывали, чтобы впустить гонца, и к утру створку повело на нижней петле. Она тёрлась о камень, на котором держалась правая сторона оберега. Каждый раз, когда её распахивали до конца, линия над проездом расходилась. Сейчас дроу видел, где она замкнётся, если сдвинуть створку ещё хоть на палец. Утром Дан чуть не встал под этим местом.

— Отведи её дальше во двор. Вон к поилке, там подождите.

Роан дождался, пока лошадь вывели из проезда, и велел остальным разворачивать повозки по одной. Две задние успели съехать с дороги, прежде чем из караульной вышел управляющий. Он с вечера распорядился, чтобы обоз ушёл на рассвете, и теперь застал во дворе дроу, которые уже снимали упряжь.

— Кто велел распрягать? Я сам вчера объяснил, что к полудню они должны быть на переправе.

— Я попросил отвести лошадей, господин. У правой створки повреждён оберег. Если её распахнуть, защита может ударить по тому, кто окажется под аркой.

Управляющий подошёл к воротам и остановился рядом с Роаном. С этой стороны хорошо было видно, как створка просела, и на камне осталась светлая царапина. Управляющий провёл по ней пальцем с безопасной стороны и сказал, что петлю поправят к вечеру, а до тех пор ворота можно открывать вдвоём. Он был готов сам придержать створку, лишь бы обоз выехал. Роан представил, как тот заведёт под неё плечо, и повторил, что прикасаться к воротам сейчас опасно. На этот раз услышали все, кто стоял во дворе.

— Я велел их открыть, — сказал управляющий. — Если бы ты отвечал за доставку, я бы с тобой поспорил.

Роан успел увидеть, что Дан, оставив лошадь у поилки, снова подошёл ближе. У него было дурное обыкновение оказываться под рукой, когда кто-нибудь приказывал сделать работу, от которой остальные отворачивались. Роан мог промолчать, и тогда, возможно, управляющий сам взялся бы за створку. Мог вызваться помочь и попросить Дана отвести остальных от ворот. Пока он думал, из дома вышла Анора, и управляющий опустил руку, которой уже показывал конюху, куда встать.

На улице было сыро, а госпожа Варден даже не накинула плаща поверх платья. Роану при покупке казалось, что она ровесница Вейры, хотя за прошедшие пять лет в её волосах прибавилось седины и теперь та лежала широкой полосой над лбом. У Аноры было тяжёлое лицо с крупным носом и привычкой поджимать верхнюю губу, когда кто-нибудь докладывал ей очевидное. Сейчас управляющий как раз перечислял, сколько времени осталось до полудня. Она выслушала его и остановилась так, чтобы видеть сразу ворота и обоз.

— Роан, подними глаза. Скажи, можно ли выпустить их сейчас?

— Через эти ворота нельзя, госпожа. Сначала нужно снять створку и заменить повреждённый камень. Я могу провести обоз через нижний двор, если с малых ворот уберут поперечину.

— Там узко, и они потеряют время, — сказал управляющий. — С последней повозкой придётся повозиться у поворота.

— Значит, начните с неё. А если бы ты отправил людей под оберег после того, как тебя предупредили, мне пришлось бы искать и возниц, и управляющего.

Она распорядилась открыть малые ворота и велела Роану остаться у арки. Он слышал, как Дан зовёт остальных дроу помочь с поперечиной, пока объяснял мастеру, с какой стороны подойти к створке. К полудню обоз был уже на дороге, а в проезде сняли повреждённый камень. Управляющий прислал двух дроу на смену, хотя обычно в такие часы заставлял их ждать, пока он сам обойдёт двор. Роан отправил одного за доской, которой можно было закрыть пустое место, и остался с мастером. Ему хотелось увидеть, встанет ли линия на место, когда подведут новый камень.

Дан вернулся с переправы уже к вечеру. Он нашёл Роана у ворот, где мастер всё ещё подгонял створку, и рассказал, что на повороте в нижнем дворе пришлось снять с последней повозки два мешка, но на переправу они успели. Дан гордился тем, что первым догадался разгрузить повозку, и Роан дал ему досказать, хотя управляющий наверняка уже объявил в доме, что сам всё предусмотрел.

— Ты утром хотел под створку полезть, — сказал Роан, когда Дан собрался уходить. — Куда ты спешил? Я же велел ждать у поилки.

— Я думал, меня пошлют помочь вам. В другой раз буду ждать, пока позовёте.

Дан был взрослый дроу с серо-лиловой кожей, пепельными волосами и серыми глазами, отлично знал лошадей и мог часами спорить о том, какой груз выдержит повозка, если его спросить при других конюхах. При управляющем он даже не подумал, что может сказать, где стоит Роан и почему опасно делать ещё шаг. Роан хотел объяснить ему, что при следующей поломке можно хотя бы повторить предупреждение мастера, но вспомнил, как управляющий утром поднял руку, и отложил разговор до случая, когда от него будет толк. Когда мастер попросил кого-нибудь открыть ворота для пробы, Роан взялся за створку сам. Над аркой линия оберега осталась на месте.

Вызов от Аноры передали за ужином. За ним пришла женщина дроу, которая обычно относила хозяйке письма после обеда, и передала, что госпожа ждёт его наверху, как только погасят свет в караульной. Она сказала это при всех тем же голосом, каким накануне просила отнести починенные ножны мастеру. Роан оставил половину ужина и пошёл проверить, сменили ли людей у ворот. Они уже сменились, но он всё равно обошёл двор и остановился у поилки, возле которой утром стоял Дан. Ещё можно было постоять там, пока в караульной разговаривали и горела лампа.

Наверху горели две свечи, и Анора сидела перед зеркалом. Она сняла перстни и оставила их на столе рядом с хлыстом. Роан увидел его сразу, ещё с порога, и вспомнил, что однажды пытался понять, можно ли по этим вещам угадать, чего она ждёт от него в постели. За пять лет он научился разве что угадывать, когда ему лучше молчать. Позавчера он спросил, можно ли ему уйти, потому что на рассвете надо проверять дальнюю опору. Утром он всё-таки добрался до опоры, а весь обратный путь думал, как снять рубаху, если ткань снова пристанет к спине.

— Закрой дверь. Ты сегодня весь двор заставил слушать себя.

— Я предупредил об опасности, госпожа. Без вашего распоряжения обоз через нижний двор не вышел бы, — ответил Роан, закрывая дверь.

— Я про обоз уже забыла. Подойди ко мне.

Он подошёл к креслу. Анора взялась за его ошейник и потянула вниз, однако Роан остался стоять, ожидая, пока она обозначит, чего хочет сегодня. За пять лет он научился раз-

личать её настроение по движениям пальцев, по прищуру и по тому, как долго она разглядывает его перед первым приказом. Жестокость Аноры давно перестала быть неожиданностью. И этой ночью он был вынужден принять её правила, как и всегда, и поднял на госпожу яркие фиолетовые глаза, пытаясь скрыть в них ненависть к хозяйке и своей участи.

— Распусти волосы.

Роан стянул ленту, кипенно-белые пряди рассыпались по плечам и угольно-чёрной спине. Анора провела по ним ладонью, сжала у затылка и заставила опуститься перед креслом.

— Ублажи меня. Хорошо ублажи!

Он поднял подол её платья и развёл колени. Анора откинулась на спинку, позволив снять с неё бельё, а потом сама притянула его за волосы к промежности. Роан провёл языком между влажных складок и услышал довольный выдох. Он знал, какого темпа она потребует, где велит задержаться и сколько позволит дразнить себя, прежде чем стиснет его голову бёдрами.

— Быстрее! — приказала она. — По-другому повторить?

Роан обхватил её ноги и прижался ртом к набухшему клитору. Он ласкал его языком долго и уверенно, шустро играл с чувствительной точкой, принимал резкие движения её бёдер и не мог отстраниться, когда пальцы в его волосах сжимались, натягивая кожу головы до боли, потому что такого приказа никогда не было. Анора всегда с силой направляла его так, как привыкла, требовала продолжать и всякий раз удерживала на месте, если ей казалось, что он замедлился. Он ненавидел и саму хозяйку, и то, что она заставляла делать его для своего удовольствия, но не подчиниться дроу не мог. Метка бы больно обдала жаром и скрутила всё тело, попробуй он отказаться.

Тело госпожи напряглось, пальцы ещё сильнее потянули его за волосы, и Роан еле сдержался от стона из-за резкой боли, а затем Анора крепче прижала его голову к себе во время оргазма. Он продолжал ласкать её, пока хозяйка сама не отпустила его и не приказала подняться.

Она встала, провела большим пальцем по его влажным губам и поцеловала, прикусив нижнюю губу до крови и ничуть не смущаясь своего вкуса. Её ладонь скользнула по его груди, задержалась на пряжке ремня и почувствовала напряжённую плоть под одеждой. Роан ненавидел реакцию своего тела вопреки своим желаниям, но всё же тихо благодарил за это, потому что иначе наказание было бы страшным и ещё более долгим.

— Раздевайся.

Роан снял рубаху и расстегнул брюки. Анора развернулась к нему спиной, опёрлась руками о подлокотники кресла и приподняла платье.

— Войди в меня.

Он положил ладони на её бёдра и одним уверенным движением оказался внутри. Анора шумно выдохнула, подалась назад и сразу потребовала:

— Жёстче! Покажи свою силу!

Роан принял заданный ритм, удерживал её за талию и двигался резко, глубоко, с той силой, которую она требовала. Кресло скрипело и сдвигалось по ковру, подогнутый угол цеплялся за ножку, а Анора только крепче держалась за подлокотники и велела ему не останавливаться.

— Ты бережёшь себя. Значит, прикажу по-другому.

Она потянулась к столику, где заранее оставила хлыст. Роан увидел его в её руке и понял, что и на этот раз она не ограничится только приказами. Он сжал зубы, расправил плечи и продолжил входить в неё, усиливая точки и ускоряя ритм.

Первый удар лёг поперёк спины. Боль обожгла кожу, и пальцы Роана сильнее стиснули её бёдра.

— Не замедляйся! Я сказала быстрее! — приказала Анора.

Он ускорился, но следующий удар прилетел всё равно и пришёлся ниже, а третий пересёк ещё не зажившую полосу под лопаткой. Хлыст рассекал чёрную кожу с такой силой, что боль уже не отступала между ударами. Хозяйка знала, чего хочет, и могла истязать его в любом положении. Роан тяжело дышал, белые волосы прилипли к груди и спине, но продолжал двигаться жёстко, удерживая Анору перед собой.

Она наслаждалась его силой и тем, что могла заставить эту силу служить своему удовольствию. Ещё один удар заставил Роана запрокинуть голову. Он сразу понял, что кожа опять раскрылась: завтра под лопаткой останется новый шрам, ещё одна отметина Аноры рядом с теми, которые она оставила за все предыдущие годы по всему его телу.

— Так-то лучше, — выдохнула она. — А теперь я хочу кончить! И разрешаю кончить тебе, так и быть.

Роан подхватил её под живот, заставил приподняться над креслом и ускорился. Анора вскрикнула, снова ударила его и выгнулась, когда удовольствие захватило её. Он не остановился, пока собственная разрядка не прошла через тело, заставив его прижаться к ней и на несколько мгновений забыть о горящей спине. Но ненависть от этого не уменьшилась.

Анора выпрямилась и поправила платье. На её щеках оставался румянец, волосы растрепались, однако голос уже был привычно ровным.

— Приведи себя в порядок. И можешь идти. Пока.

Когда Роан вышел, на лестнице уже погасили свет. До своей комнаты он дошёл, опираясь о стену и у двери услышал, что Дан кашляет за перегородкой. Ему не хотелось, чтобы тот проснулся, начал расспрашивать, насколько больно было в этот раз, и жаловаться, как тяжело было ему самому вчера. Поэтому он оставил лампу погашенной и на ощупь нашёл чистое полотно. Рубаха прилипла к спине, видимо, крови сегодня было больше. Он смочил её водой и подождал, пока ткань можно будет отвести без резкого рывка. По тому, как болела спина, Роан уже знал: скоро прибавился ещё один шрам.

***

К обеду на следующий день Роан закончил с воротами и пришёл есть, пока на кухне ещё разливали похлёбку. На дальнем конце общего стола сидел мальчишка дроу, сын одной из женщин дроу, работавших в прачечной. Он дождался, когда кухарка отвернётся, завернул булочку в салфетку и сунул за пазуху. Роан видел, как тот после этого взялся за ложку и принялся хлебать похлёбку с таким усердием, что кухарка обернулась, посмотрела на пустую тарелку и положила туда ещё одну булочку.

— Эту съешь сейчас. Мать за своей вечером сама придёт.

Мальчишка покраснел и спросил, можно ли ему оставить обе. Кухарка сказала, что тогда придётся оставить и похлёбку, потому что на пустой желудок булочки есть незачем. Он помедлил и взялся за ту, что лежала на тарелке. Пока Роан смотрел, как он ест, придерживая локтем свёрток за пазухой, ему вспомнилась груша, которую он однажды целый день носил в кармане.

Ему было двенадцать, а Аделии десять. Она пожаловалась ему, что за обедом ей всегда достаются твёрдые груши и, пока дождёшься, чтобы они поспели, кто-нибудь уносит их в кухню для пирога. Наутро, когда садовник перебирал снятые с дерева плоды, Роан попросил одну и выбрал на ощупь самую мягкую. Он мог отдать её Аделии, когда она вышла из дома с Мареной, но девочки спорили, кому первой кататься на качелях, и ему захотелось дождаться, пока она останется одна. К вечеру груша успела помяться, а на светлом боку появилось пятно, которое никак нельзя было выдать за след от ветки.

Аделия нашла его сама за кухней, где он сидел на низкой стенке и пытался решить, съесть грушу или выбросить, пока её никто не увидел. Она забралась рядом и спросила, почему он вчера ушёл, не дослушав, что Марена сделала с её тетрадью. Роан сказал, что его позвали, и вынул грушу. Ему сразу захотелось спрятать её обратно. Пятно оказалось с той стороны, которой он повернул плод к Аделии, и она успела увидеть, что он собирался ей дать.

— Утром она была целая. Я могу завтра принести другую, садовник ещё не все снял.

Аделия откусила с целого бока и протянула грушу ему. Сказала, чтобы он тоже ел, пока она рассказывает, иначе ей придётся всё повторять, когда он опять куда-нибудь уйдёт. Роан откусил там, где она оставила ему место, а потом держал грушу между ними, пока Аделия рассказывала про тетрадь. Марена нарисовала на последней странице лошадь и уверяла, что это вовсе не её рисунок, хотя больше никто в доме не рисовал лошадям по пять ног. Аделия сердилась на сестру и тут же начинала смеяться, стоило ей дойти до того, как они пересчитывали ноги, чтобы позвать мать и показать ей доказательство.

Роан в тот вечер чуть не пропустил ужин. Ему нравилось сидеть, прижавшись плечом к Аделии, и слушать, как она сбивается на подробностях, которые ей самой казались смешными. Он уже несколько месяцев выискивал поводы заговорить с ней, а когда она сама пришла за кухню, даже не сразу поверил, что её никто за ним не послал. На следующий день он снова сел на стенку, на этот раз с пустыми карманами, и остался там до ужина. Аделия появилась с тетрадью. Роан отодвинулся, чтобы ей хватило места, и она опять села к нему плечом к плечу.

На кухне Варденов мальчишка допил похлёбку и убежал, всё так же придерживая свёрток. Похлёбка у Роана успела остыть, хотя он пришёл на кухню голодным и собирался взять добавку. Он доел и отнёс миску кухарке. В последние годы он редко позволял себе вспоминать Аделию днём. На работе обычно нужно было думать о том, куда ступаешь и кто стоит рядом, а за едой хватало одного чужого слова, чтобы тебя позвали. Теперь он вышел во двор и ещё помнил, как Аделия, досказав про тетрадь, вытерла липкие пальцы о юбку и попросила никому не говорить, потому что ей уже на этой неделе запретили пачкать платья.

У караульной его нашёл управляющий. Он держал папку, которую обычно сам относил в кабинет госпожи Аноры, и спросил, можно ли уже пользоваться большими воротами. Роан сказал, что можно, но до вечера лучше придерживать правую створку, пока мастер не закрепит петлю окончательно. Управляющий на этот раз выслушал его до конца и велел передать караулу, чтобы так и делали. Потом попросил отнести папку госпоже Варден, раз Роан всё равно идёт к дому.

В кабинете у Аноры был гость. Роан остановился у приоткрытой двери, откуда слышал, как она спрашивает, кто теперь разбирает дела в доме Сарель. Он успел удивиться слову «теперь», прежде чем незнакомый мужчина объяснил, что Вейру Сарель уже похоронили. Анора уточнила, вернулась ли младшая дочь в Лаверн, и мужчина ответил, что видел её карету на дороге. О старшей он ничего не сказал.

Анора спросила, кому теперь писать по поводу проезда, но гость предложил сперва узнать, на кого оформлены земли. Тут она заметила Роана в дверях и велела оставить папку. Он вошёл, положил её на стол и вышел, пока они снова обсуждали дорогу. Когда-то он думал, что, услышав о смерти Вейры, почувствует облегчение, но сейчас его прежние мучения казались баловством, а вспоминать об Аделии было больно и бессмысленно. Она замужем, и у неё наверняка множество дроу для утех в постели. За дверью ещё разговаривали, и он мог бы задержаться, но там уже перешли к тому, сколько времени обозы тратят на объезд.

Глава 3

Письмо Аноры Варден принесли утром, когда Аделия собиралась позвать Тессу и решить, сколько комнат оставить открытыми до зимы. Дроу с дорожной сумкой ждал в дверях, пока она прочитает, кому оно адресовано. «Госпоже Аделии Эймар, хозяйке дома Сарель». Под её именем ещё оставалось место, и Аделия машинально поискала глазами имя матери, хотя гонец уже объяснил, что госпожа Варден просила передать письмо ей лично. Она велела накормить его и отпустить, потому что ответа сейчас всё равно дать не могла.

Анора начала с соболезнований, а потом попросила открыть проезд по старой дороге через посёлок Ольховец. Она писала, что её обозы тратят на объезд по Тальнику почти полдня, а возчики, если разрешить им ездить коротким путём, будут покупать в посёлке еду и корм для лошадей. Дом Варден возьмёт на себя ремонт дороги и при необходимости пришлёт своих людей чинить её после весенней распутицы. Из письма выходило, что Аделии оставалось назначить день, когда можно пускать первые обозы, и с этого дня у жителей появится новый заработок, а у неё станет одним расходом меньше.

— Тесса, ты что-нибудь знаешь про дорогу через Ольховец? — спросила Аделия, когда экономка пришла к ней. — Госпожа Варден пишет так, словно осталось решить, когда начать оплачивать ремонт.

Тесса служила в доме столько, сколько Аделия себя помнила. У неё была тёмно-серая кожа и светлые, почти бесцветные глаза, которые с возрастом стали слезиться на ветру. Когда-то Аделия ходила за ней по всему дому и выпрашивала ключ от чулана, где хранились старые игрушки. Теперь пожилая дроу ждала, пока она позволит ей подойти к столу. Аделия подвинула для неё стул и развернула письмо, чтобы та могла разглядеть подпись.

— Она опять просит проезда, госпожа? Вот ведь никак не угомонится. Я думала, после прошлого раза уж не напишет.

— Она и прежде обращалась к матери? Здесь ни слова о том, что они уже об этом говорили.

— Несколько раз за последние годы. Госпожа всякий раз велела передать, что проезда не будет, — Тесса провела ладонью по колену и поправилась. — Госпожа Вейра, я хотела сказать. Последнее письмо она попросила убрать к остальным и даже отвечать на него не стала.

Аделия спросила, объясняла ли мать причину. Тесса покачала головой и посмотрела на пустое кресло за письменным столом. У неё на глазах выступили слёзы, но она всё-таки приняла объяснять, в каком шкафу Вейра держала прошения, пока Аделия не попросила её сперва посидеть немного. Тесса осталась на стуле и призналась, что утром снова велела принести к завтраку варенье, которое любила госпожа Вейра. На кухне поставили банку на поднос, и никто не осмелился спросить, кому её теперь подавать, потому что сама Аделия его терпеть не могла за приторность.

Старые письма нашлись в шкафу под счетами за прошлый год. Тесса принесла их вместе со свёрнутым планом посёлка и сказала, что госпожа держала их рядом. Аделия разложила прошения по датам. В первом Анора просила пропускать два обоза в неделю, во втором уже хотела пользоваться дорогой всякий раз, когда понадобится. Обещание чинить дорогу за свой счёт появилось ещё тогда. В сегодняшнем письме почти ничего нового не было, разве что Анора теперь подробно объясняла, сколько заработают лавочники, если у них станут останавливаться варденские возчики.

На плане дорога шла от въезда мимо колодца и дальше между дворами, из которых жители выходили прямо на улицу. Аделия знала эту улицу. Если там ставили у колодца телегу, чтобы набрать воды, встречной повозке уже приходилось ждать, пока её уберут. В детстве она любила ездить туда с матерью в ярмарочные дни, когда у лавок даже пешим бывало тесно.

Обозу на такой улице пришлось бы стоять всякий раз, когда кто-нибудь открывает ворота или гонит скот со двора. На том же листе были обозначены опоры поселкового оберега. Обе стояли по сторонам въезда, так что короткий путь Аноры целиком проходил под куполом.

Аделия отыскала среди бумаг записи о защите и поняла, почему мать держала план рядом с прошениями. Оберег пропускал обозы Сарелей. Чтобы через него проезжали варденские повозки, пришлось бы включить чужой дом в защиту, и купол от этого ослабел бы. Если кто-нибудь вздумает напасть на посёлок, ему легче будет пробить оберег у въезда, а дальше улица выведет его к первым домам. Анора обещала отсыпать колеи и починить мостки у колодца. О том, на каких условиях её обозы попадут под купол, она не написала ни строчки.

Аделия попросила Тессу отправить в Варден гонца и узнать, когда хозяйка сможет её принять. Экономка удивилась, что ей понадобилась встреча, если Вейра обходилась письмами, но Аделия слышала от тех, кто имел дело с Анорой, как та умеет возвращаться к разговору после отказа. Стоило оставить в ответе хоть какую-нибудь оговорку, и Анора через неделю присылала письмо с новым условием, словно ждала, что собеседница устанет возражать. Аделии хотелось сказать ей всё в глаза, пока та ещё не успела решить, что с новой хозяйкой Сарелей можно торговаться месяцами.

В назначенный день карету остановили у широкого крыльца дома Варден. Молодой дроу с синевато-серой кожей поставил подножку и проводил Аделию в гостиную, где Анора уже ждала её у стола с картой. На той были отмечены река, переправа и обе дороги, так что хозяйка могла показать разницу, даже не объясняя, за что предлагает платить. Аделия сняла перчатки и села. Она собиралась начать с благодарности за письмо, однако Анора первая обратилась к ней и спросила, сколько времени заняла дорога, а услышав ответ, заметила, что с гружёными повозками всё гораздо хуже.

— Если возчики выезжают с рассветом, они ещё успевают на переправу, — сказала она. — Стоит задержаться во дворе, и последним приходится ждать до вечера. Я бы предпочла платить вашим людям за дорогу, чем держать лошадей у реки.

— Я посмотрела, где вы хотите проезжать. Ворота посёлка стоят под защитой Сарелей, и я не буду включать в неё другой дом.

Анора убрала руку с карты и спросила, почему Аделия начала с оберега, если можно сперва договориться о числе повозок. Допустим, по одному обозу дважды в неделю, и пусть возчики проезжают рано, пока у колодца ещё никого нет. Аделия объяснила, что от времени проезда правила защиты не меняются. Оберег пропустит обоз Варденов, только если этот дом включат в защиту.

— Ваша мать тоже любила отвечать так, словно вопрос уже закрыт, — недовольно сказала Анора. — Я надеялась, что вы разумнее и хотя бы захотите узнать, что я могу вам предложить.

— Я прочла ваши письма к матери. Вы предлагали и плату за проезд, и ремонт дороги, но защита посёлка останется такой, как была при ней. Я приехала сказать вам это лично, госпожа Варден.

Анора поджала губы, и её пальцы на краю карты согнули бумагу. Она спросила, окончательное ли это решение, уже обращаясь к Аделии по фамилии, хотя до сих пор называла её просто имени. Аделия сказала, что окончательное. Анора сложила карту и велела проводить гостью к карете. До крыльца Аделия шла с облегчением. Ей всё ещё бывало трудно отказывать старшим хозяйкам, которые знали её девочкой и иногда в разговоре ждали, что она оглянется на мать.

У кареты ей уже открыли дверцу, когда со стороны конюшен мужской голос сказал, чтобы повозку больше не ставили на уклоне, если у неё опять ослабло колесо. Аделия резко остановилась. Показалось, что она узнала голос, и даже рассердилась на себя. В последние дни стоило увидеть знакомую мужскую спину в доме Сарель, чтобы подумать о Роане, а во дворе Варденов

было полно дроу, которых она никогда прежде не встречала. Она поставила ногу на подножку и уже хотела взяться за дверцу, когда кто-то у конюшен выкрикнул:

— Роан, придержи повозку! Я сейчас подложу клин.

Она обернулась и увидела дроу, державшего повозку за задний борт, пока конюх с серо-лиловой кожей подкладывал клин под колесо. Роан стоял к ней вполоборота и смотрел вниз, ожидая, когда конюх уберёт руки. Рукава рубахи у него были закатаны, и солнце ложилось на угольно-чёрную кожу предплечий. Аделия помнила, как любила смотреть на его руки при дневном свете, и ей понадобилось несколько мгновений, чтобы отнять ногу от подножки. Кучер всё ещё держал дверцу, ожидая, что она сядет.

Роан перехватил борт, и Аделия увидела, как натянулась рубаха у него между плечами. После разговора с Мареной она уже начинала привыкать к мысли, что может так и не найти его, а сейчас он стоял в нескольких шагах от неё, и она удивлялась, как много в нём успело измениться. Юношей он уже был высоким и сильным, а теперь ей пришлось бы запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Он стал шире в плечах и держал повозку на уклоне так уверенно, что конюх без опаски подставил ладонь под колесо, поправляя клин. Кипельно-белые волосы были собраны в низкий хвост. В юности он часто ходил с распущенными волосами, и Аделия любила пропускать их сквозь пальцы, когда они оставались вдвоём и он мог сидеть рядом сколько захочет.

Ей захотелось подойти и обнять его так сильно, что она сделала шаг прежде, чем увидела ошейник. Он был хорошо заметен над воротом рубахи, когда Роан наклонился проверить, как лёг клин. Аделия остановилась. Ей следовало дождаться, пока он закончит и сможет с ней заговорить, но смотреть на него с другого конца двора после девяти лет разлуки оказалось мучительно. Она не смогла удержать себя и позвала его.

Роан повернул голову. Аделия увидела его фиолетовые глаза и улыбнулась, потому что на это мгновение ей показалось, что теперь он тоже обрадуется. Он узнал бы её по голосу, как она только что узнала его. Роан прищурился и снова повернулся к повозке, а конюху сказал, чтобы тот проверил колесо с другой стороны. Аделия ждала, что он ещё раз посмотрит на неё, пока не поняла, что он собирается закончить работу и уйти.

Она подошла ближе, когда конюх отошёл к навесу. Роан выпрямился, и Аделия на миг растерялась оттого, что теперь он стоял совсем рядом. В карете она могла бы придумать десяток слов для этой встречи, а здесь ей хотелось спросить, как он живёт и почему не смотрит на неё, и обе вещи было невозможно сказать при открытых дверях конюшни.

— Роан, я никак не ожидала встретить тебя здесь. До последнего думала, что обозналась.

— Я здесь служу, госпожа. Если вам нужна помощь с каретой, я позову конюха.

Он стоял перед ней с опущенными глазами и говорил так, как в этом дворе наверняка говорил с любой гостьей Аноры. Улыбка у Аделии сошла, пока она пыталась понять, отчего он даже не спросил, как она здесь оказалась. Может быть, успел мельком взглянуть и увидел траурное платье, а её саму за столько лет совсем забыл. Ей захотелось поверить хотя бы в это, потому что тогда она ещё могла назвать себя и всё исправить.

— Ты меня не узнал? Это я, Аделия.

— Я узнал вас, госпожа Эймар, — Роан отступил от повозки, освобождая ей дорогу. — Ваш экипаж ждёт у крыльца.

Она до сих пор не слышала от него этой фамилии. В день свадьбы ей пришлось привыкать к ней в окружении людей, которые знали, что она отныне жена Эдгара, а здесь Роан произнёс её так буднично, что Аделия несколько мгновений стояла перед ним и не знала, что ответить. Ей хотелось сказать, что она не забыла его, но он уже предложил позвать конюха, и она боялась, что на каждое её слово он будет отвечать так же безукоризненно. Она поблагодарила его и пошла к карете.

Кучер снова открыл дверцу. Аделия взялась за её край, и он подвинулся, чтобы помочь ей сесть. Ещё шаг, и она уедет. Потом дома будет думать, что можно было сказать Роану, как можно было спросить о нём у Аноры и почему она даже не попыталась. Аделия отпустила дверцу и попросила кучера подождать. Ей нужно было вернуться в дом.

Дроу, проводивший её в первый раз, встретил Аделию на крыльце. Она попросила передать госпоже Варден, что ей нужно поговорить с ней ещё раз, наедине. Он ушёл, а Аделия осталась в прихожей и поняла, что так и не придумала, какую цену готова назвать. Она знала, сколько обычно платят за дроу с хорошим даром, но ни одна из известных ей сумм сейчас не казалась такой, на которой стоило бы останавливаться. Пока она ждала, из гостиной вынесли карту, и ей пришлось отойти, чтобы дать слуге пройти.

Анора приняла её в той же комнате. Она поднялась навстречу, и Аделия заметила в её глазах такую явную радость, что на мгновение ей стало неловко. Похоже, госпожа Варден успела решить, что гостья передумала ещё до того, как села в карету. Аделия осталась стоять. Если бы она снова уселась за стол, у Аноры было бы время заговорить о дороге, а ей самой пришлось бы ждать, пока хозяйка закончит.

— Я увидела во дворе дроу Роана, — сказала Аделия. — Я хотела бы его у вас купить.

У Аноры сразу изменился взгляд. Она смотрела колюче и так внимательно, что Аделия пожалела, что начала прямо с имени. Ещё недавно она не хотела задерживаться в этом доме ни на минуту. Теперь вернулась с крыльца и стояла перед женщиной, которой только что отказала, дожидаясь, пока та решит, стоит ли отвечать.

— Он служил у моей матери, когда я ещё жила в Сареле. Он разбирается в защите, а мне нужен дроу с таким даром.

— Мне он тоже нужен, госпожа Эймар. Он не продаётся.

Аделия сглотнула. Вейра когда-то могла распорядиться, чтобы Роан сопровождал её, и оставалось спуститься к выходу, зная, что он будет ждать. Теперь она даже не могла попросить его задержаться во дворе, если Анора позовёт его в дом. В этой комнате у неё были только деньги и возможность предложить их ещё раз.

— Назовите свою цену, — сказала она. — Я понимаю, что за дроу с таким даром придётся заплатить дороже.

Анора не спросила, сколько она готова дать. Она повторила, что Роан не продаётся, и осталась стоять у стола, пока Аделия благодарила её за то, что она согласилась принять её снова. По дороге к выходу Аделия обнаружила, что всё ещё прикидывает, какую сумму стоило предложить сразу, хотя хозяйка уже дважды сказала ей, что цены не будет.

У конюшен Роана больше не было. Повозка стояла на ровном месте, а дроу с серо-лиловой кожей вёл лошадь под навес. Аделия замедлила шаг и посмотрела в сторону ворот. Ей хотелось увидеть Роана ещё хотя бы раз, теперь уже без надежды, что он улыбнётся или подойдёт. Кучер ждал её у открытой дверцы, и на этот раз она села.

Когда карета тронулась, Аделия ещё видела место, где Роан стоял у колеса, пока его не заслонила стена. Дома она напишет Марене, что нашла его.

Глава 4

Из конюшни Роан видел, как карета Аделии выехала со двора. Она долго не садилась, всё смотрела по сторонам, и ему на миг показалось, что она ищет его. Можно было выйти из-за перегородки, пока кучер ждал у дверцы, и дать ей себя увидеть. Он остался там, где стоял, а когда карета скрылась за воротами, пожалел, что даже этого не сделал.

В первый раз она уже взялась за дверцу и вдруг вернулась в дом. Роан тогда ещё стоял у повозки и думал, что отдал бы многое за возможность услышать, о чём она заговорит с Анорой. Вдруг Аделия попросит продать его? Мысль была до того дурацкая, что он взялся помогать Дану, хотя тот и без него мог отвести лошадь под навес. Госпожа Эймар наверняка что-нибудь забыла или вспомнила ещё одно дело к хозяйке. У неё были земли, обозы и люди, о которых следовало заботиться, а он был дроу, служившим когда-то в доме её матери. Какого чёрта он уже успел вообразить себе, что из всех своих дел она выберет именно его?

Пока Аделия была в доме, он успел подумать даже о том, что оставил бы здесь всё, кроме ножа, и ушёл бы с ней пешком, в той рубахе, в которой работал. Вот уж за что можно было себя презирать. Девять лет прошло, а ему стоило только увидеть её улыбку, чтобы снова начать ждать от неё чего-то хорошего. И ведь ждать он уже разучился. За пять лет у Аноры было немало случаев, когда Роан желал ей сдохнуть, но даже в такие дни он представлял себе самое большее неделю без вызова наверх. А тут чуть не поверил, что может выйти за эти ворота и больше никогда не услышать голоса Аделии.

Он рад был увидеть её ещё до того, как успел подумать об Эдгаре Эймар. Она шла к нему через двор с такой улыбкой, что он чуть не улыбнулся ей в ответ. Девушку, с которой расстался, он помнил до смешного хорошо, а потому все эти годы представлял её ещё восемнадцатилетней. Теперь у неё под тёмными бровями были те же серо-голубые глаза, и всё-таки ему хотелось смотреть, пока не запомнит, какой она стала. Каштановые волосы она убрала от висков, а чёрное платье, наверное, надела в память о Вейре. В восемнадцать Аделия умела одним взглядом рассмешить его в самую неподходящую минуту, и он до сих пор не знал, как ей это удавалось. Сегодня она показалась ему ещё красивее, и на несколько мгновений он забыл, зачем столько лет старался о ней не думать.

Он вспомнил об этом, когда она назвала себя. Как же ему захотелось ответить ей по имени, как в те вечера, когда им удавалось остаться вдвоём. Она уже перестала улыбаться, но ещё ждала его ответа, и Роан назвал её госпожой Эймар. Он ведь мог обойтись без фамилии, а выбрал её нарочно. В ту секунду ему хотелось, чтобы хоть раз больно стало и ей.

— У вас в Сареле так заведено? Госпожа сама к конюшне идёт, если старого слугу увидит? — Дан показался с той стороны перегородки, где висела сбруя. Он ухмылялся и держал под мышкой седло, которое давно мог бы убрать, если бы Роан не стоял на проходе.

— Я у них долго служил. С самого детства. Вот она меня и узнала, — сказал Роан и отошёл от входа.

«У вас в Сареле», сказал Дан. Роан так давно не слышал, чтобы кто-то говорил о Сареле как о месте, к которому он ещё имел отношение, что едва не поправил Дана. А потом подумал, что тот стоял с другой стороны двора и всё равно заметил, кто к кому подошёл. По этой причине дроу, пожалуй, мог ухмыляться сколько ему угодно.

Дан собирался снова впрячь лошадь в повозку, но Роан ещё у колеса заметил, что оно ходит ходуном, и велел оставить её до починки. Управляющий ждал повозку к вечеру. Дан предложил сам отнести ему чеку, которую вынул из ступицы, и объяснить, почему её пора менять. В другой день Роан пустил бы его, а сейчас пошёл сам. Хотелось, чтобы на него накричали из-за колеса и пришлось думать, где достать новое к завтрашнему утру, а не об Аделии.

Управляющий, как назло, был занят счетами и, едва взглянув на чеку, велел взять другую у мастера.

На обратном пути Роан представил, как вечером Аделии поможет распустить волосы кто-нибудь из дроу, которым позволено входить в её комнаты. Он мог быть приставлен к ней, как когда-то Роан, и знать, в каком кресле она забирается с ногами, когда устала, и куда положить книгу, чтобы она утром её нашла. Может, она велела ему остаться на ночь, и он знал, как она прижимается щекой к плечу и обнимает во сне, когда ей холодно. А если и не велела, так у неё был Эдгар. Он мог в любой день прийти к жене, обнять её и провести ладонью по её щеке, и для этого ему даже не требовалось дожидаться, пока в доме уснут и его позовут.

При мысли об Эдгаре Роан стиснул в руке старую чеку и обнаружил, что свернул к воротам вместо мастерской. Ему захотелось швырнуть эту поганую железку через стену. Да он успел приревновать её даже к дроу, которого сам же выдумал! Что уж говорить о муже? Если бы Дан видел, о чём он думает после двух минут разговора с госпожой Эймар, едва ли стал бы спрашивать, как у них заведено в Сареле. Роан развернулся и понёс чеку мастеру, который хотя бы мог объяснить, почему они второй раз за месяц чинят одну и ту же повозку.

Мастер искал в ящике подходящую замену, а Роан у открытой двери следил за женщиной, спускавшейся с крыльца. Это была дроу из дома Варден, седая, с тёмно-синей кожей, и шла она к прачечной с бельём. Даже со спины её нельзя было принять за Аделию. Роан всё равно поднял голову, услышав шаги на ступенях, и обозлился на себя окончательно. Она уехала. Можно хоть до вечера смотреть на крыльцо, а завтра с утра занять то же место, если за всё это время он так и не нашёл себе занятия лучше.

Когда Аделии было восемнадцать, она однажды пришла проститься с ним перед поездкой, которая должна была занять всего три дня. Его отправляли проверить дальние обереги, и он собирался выехать до рассвета. Они договорились встретиться в старой классной комнате, где уже несколько лет никто не занимался. Роан пришёл первым, и ему пришлось ждать в темноте, потому что из коридора был виден свет под дверью. Он уже собрался уходить, решив, что её задержали за ужином, когда Аделия проскользнула в комнату и, нащупав его возле двери, тут же рассмеялась ему в плечо.

— Я сказала маме, что у меня болит голова, и она велела мне лечь пораньше. Теперь Тесса сидит у моей спальни и следит, чтобы никто меня не побеспокоил, — шепнула она. — Если она решит заглянуть, мне придётся объяснять, отчего под одеялом лежат две подушки.

— И что ты ей скажешь? Она же пойдёт тебя искать, — спросил он, хотя в тот момент было совершенно всё равно, что скажет Тесса, лишь бы Аделия не уходила.

— Скажу, что мне захотелось тебя увидеть. Она, может, даже поверит, если я пообещаю больше так не делать, — сказала Аделия и потянула его за руку к окну, где можно было различить друг друга. — Когда ты вернёшься?

Роан напомнил, что его послали на три дня. Она принялась считать и решила, что день отъезда можно считать за первый, а значит, ждать его вечером послезавтра. Он возразил, что на дорогу уходит полдня и вернуться раньше срока он сможет, если на обоих оберегах не окажется работы. Аделия предложила пари. Если он приедет послезавтра, она сама устроит следующую встречу, а если через три дня, устраивать её придётся ему.

— Ты и так найдёшь способ прийти, — сказал он. Она привыкла спорить даже там, где спорить было не о чем, и он ждал, что теперь она придумает ещё одно условие.

Аделия согласилась и попросила всё-таки вернуться послезавтра. Вблизи он мог разглядеть её брови, тёмные даже в слабом свете, и губы, на которых ещё держалась улыбка. Она придвинулась, чтобы поцеловать его, да так торопилась, что задела носом его щёку, и он рассмеялся вместе с ней. Потом она взяла его ладонь и положила себе на шею. Кожа у неё была тёплая, и под пальцами бился пульс, пока она стояла с закрытыми глазами и давала ему себя гладить. Роану уже случалось видеть, как Аделия добивается своего перед целой комнатой

взрослых, а тут она доверила ему даже эту маленькую дрожь, которую наверняка предпочла бы от него скрыть, если бы могла.

Он всё же вернулся на третий день. Пришлось задержаться у оберега, а к дому он подъехал под вечер и ещё издали увидел Аделию возле ворот. Она сделала вид, что вышла встретить Марену, которой в тот день и близко не было в поместье. Позже Аделия перехватила его на лестнице и при двух дроу, которые тащили наверх сундук, спросила, уложился ли он в три дня. Роан ответил, что уложился, и по тому, как она улыбнулась, понял, что устраивать следующую встречу ему придётся уже сегодня. Он с утра мечтал вымыться и лечь, а тут был бы рад ещё раз проехать всю дорогу, лишь бы опять увидеть, как она ждёт у ворот.

Вот эту Аделию он помнил, пока Вейра день за днём втолковывала ему, что дочь с ним забавлялась. Сперва её слова можно было вынести. Он знал, как Аделия целовала его, и был уверен, что когда-нибудь увидит её и спросит сам. Потом прошёл год, за ним другой, и он обнаружил, что может весь день работать и ни разу не представить, как она за ним пришлёт. Он считал это успехом. А теперь ему хватило одного взгляда, чтобы снова ждать её у двери.

За ним послали, когда он уже собирался отнести новую чеку Дану. Анора ждала внизу, в комнате, где принимала управляющего и разбирала дела поместья. Он испытал облегчение даже от того, что дроу, пришедшая за ним, назвала эту комнату. Спина опять саднила под рубахой, и весь день Роан надеялся, что Анора хотя бы сегодня оставит его в покое. Он отдал чеку посыльной и попросил передать Дану, а сам пошёл к хозяйке.

У Аноры на столе была разложена карта, и она подозвала его к ней. Роан увидел, что хозяйка отметила дорогу в объезд по Тальнику. На месте Ольховца стоял аккуратный кружок, размером едва ли с ноготь. На бумаге и впрямь было легко решить, что всё дело в повороте, которым до сих пор никто не догадался воспользоваться.

— Ты ходил через Ольховец, когда служил у Вейры? Покажи, где там стоят камни оберега, — велела Анора, освобождая ему место у стола.

Роан указал, где начинался проезд, и объяснил, что второй камень стоял на выезде из посёлка. Раньше он ездил туда по службе и знал главную улицу достаточно хорошо, чтобы на карте найти её даже без подписи. Анора спросила, можно ли обойти первый камень и попасть на дорогу уже за ним. Роан провёл пальцем вдоль посёлка, показывая, как далеко от ворот тянется оберег. Защита охватывала и дворы, и всю улицу между ними, хотя по карте этого нельзя было понять.

— Камень можно объехать, госпожа. Но оберег всё равно придётся пересечь, где бы ни вошли, — сказал он. — Возы госпожи Вейры шли там потому, что защита знала дом Сарель.

— А если госпожа Эймар пришлёт своего человека, чтобы он встретил мой обоз и провёл через посёлок? Она ведь своих через него водит, — сказала Анора и передвинула карту к себе, оставив ему видимым лишь край дороги.

Роан чуть было не ответил, что для одного обоза можно найти перевозчика из самого Ольховца. Но хозяйка спрашивала, как пустить её обозы, а это означало сделать так, чтобы люди Варден могли ходить там постоянно. Он объяснил, что одного провожатого оберег пропустит, а обоз встанет. Чтобы провести его, придётся дать Вардену доступ к защите. Если бы это было так же просто, как выдать ключ от ворот, хозяйке, пожалуй, давно бы удалось уговорить Вейру.

— Вот и она мне про оберег говорила, — сказала Анора и посмотрела ему в глаза. — Ты ведь хорошо помнишь тот дом, Роан?

— Я там вырос, госпожа, — ответил он. На этот раз ему не пришлось придумывать, какую часть правды можно сказать. Вопрос был простым, и всё-таки ему захотелось знать, зачем она его задала после разговора с Аделией.

Анора велела приготовить карету к завтрашнему утру и передать кучеру, что она едет в Сарель. Роан подумал, что его могут взять с собой, раз ей понадобился кто-то, кто знает

дорогу через Ольховец. От этой мысли ему опять захотелось оказаться перед Аделией, хотя ещё недавно он убеждал себя, что лучше бы им вовсе не встречаться. Он мог бы теперь хотя бы спросить, как она живёт. Конечно, если бы она сама пожелала с ним заговорить после того, как он сегодня указал ей на экипаж.

Во дворе Дан уже заканчивал с повозкой. Роан передал распоряжение, и Дан спросил, закладывать ли тех же лошадей, на которых она обычно ездила к соседям. Роан сказал, что хозяйка об этом не распорядилась. Хотелось спросить, кто поедет при карете, хотя Дан об этом пока знал столько же, сколько и он. Вместо этого Роан помог ему подкатить повозку под навес, а сам всё думал, как Аделия оглядела двор перед отъездом. Если она и правда искала его, он мог бы выйти к ней. Тогда у неё осталось бы от этой встречи хоть что-нибудь, кроме его старательного «госпожа Эймар».

Глава 5

«Марена, я нашла Роана. Он у Аноры Варден». Аделия написала это ещё в дорожном платье. Третья строчка начиналась со слов «Он меня узнал», и её пришлось зачеркнуть. Разве Марене пришло бы в голову, что он может её не узнать? Аделии до сегодняшнего дня тоже не приходило.

Она попробовала написать, что они поговорили. Вышло так, словно ей удалось спросить его, как он жил все эти годы, и рассказать о себе хоть что-нибудь. На деле она даже о смерти Эдгара не сказала. Когда Роан назвал её госпожой Эймар, ей захотелось поправить его, хотя он назвал её совершенно правильно. Эдгар дал ей эту фамилию девять лет назад, а Роан ни разу не произносил её при ней. Аделия столько раз представляла, как снова услышит от него своё имя, что ни к чему другому не приготовилась.

Можно было объяснить его холодность тем, что они стояли во дворе Аноры, где их в любую минуту могли услышать. Аделия с удовольствием приняла бы это объяснение, если бы он хоть раз за весь разговор сам поискал её взгляд. Может, он давно забыл, как они расстались, и помнит её так же, как любую из дочерей дома, где когда-то служил. Или помнит всё, даже те вечера, когда они договаривались встретиться и она приходила заранее, чтобы он ни минуты не ждал. В конце концов, почему ей кажется, что ему тоже было о чём думать после её отъезда? Это она увидела его у конюшен и пошла через чужой двор с такой радостью, что теперь стыдно было описать эту встречу даже сестре.

«Мне он тоже нужен», — сказала Анора. Аделия сама завела разговор о его даре и тогда решила, что госпожа Варден ценит хорошего мастера защиты. Теперь ей пришло в голову, что за пять лет Роан мог привыкнуть к хозяйке, искать её общества и ждать, когда она позовёт его к себе. Мог полюбить её. Аделия хотела найти хоть один довод против и обнаружила, что знает Анору по двум разговорам, в которых ни разу не видела её рядом с Роаном. Она разозлилась на себя за то, что выдумывает всякую чушь, и всё равно представляла, как Анора зовёт его по имени и он поднимает на неё глаза.

— Госпожа, вам накрыть в малой столовой? — спросила Тесса из дверей. — Ужин готов. Кухарка ждёт только, чтобы вы сказали, добавлять ли перец в бульон.

За окном уже зажгли фонарь над крыльцом, а Аделия так и не продвинулась дальше первых двух строчек. Тесса предложила принести ужин сюда, но Аделии хотелось хотя бы ненадолго уйти из комнаты. Она сказала, что поест на кухне, и спустилась вместе с ней.

Пожилая кухарка-дроу с сизой кожей стояла у котла, где для прислуги доваривалась похлёбка. Увидев Аделию, она сказала, что сейчас подаст ужин в столовую, и удивилась, когда та попросила накрыть здесь.

— Прямо на кухне, госпожа? Я могу подать вам наверх, если вы устали с дороги.

— Мне и здесь хорошо. И в бульон перца не клади, пожалуйста.

— Хорошо, что спросила, — сказала кухарка Тессе. — А ты мне велела готовить, как при госпоже Вейре. Она бы попробовала и ещё попросила.

— Госпожа Вейра любила, чтобы перца было много, — сказала Тесса. — Я думала, вы обе с детства к этому привыкли.

— Марена, может, и привыкла, — сказала Аделия. — А я вылавливала горошины и прятала за хлебом, пока мама не видит. Потом выбрасывала вместе с крошками.

Кухарка рассмеялась и сказала, что теперь наконец знает, почему госпожа Аделия в детстве просила хлеба ещё до того, как подадут суп. В фарфоровой тарелке, которую она поставила перед Аделией, был прозрачный куриный бульон с тонкой лапшой. На второе она подала жареную перепёлку с печёной айвой. Аделия с дороги почти не чувствовала голода, а теперь

ела с удовольствием и слушала, как Тесса вспоминает, что Марена за столом тоже вечно что-то прятала. Та терпеть не могла айву и подсовывала её сестре.

За ужином кухарка спросила, оставлять ли на завтра два больших каравая. После похорон гостей стало меньше, но хлеб по-прежнему брали с собой дроу, которые с утра уходили работать на дальние дворы. Аделия велела печь как прежде. Кухарка тут же попросила Тессу выдавать работникам хлеб с вечера, потому что утром они опять унесут горячий каравай и разломают прямо у двери. Тесса согласилась и предложила ей самой сказать об этом возчикам. Судя по тому, как кухарка обрадовалась, сказать им об этом ей хотелось уже давно.

К письму Аделия вернулась, когда кухарка уже убрала котёл с огня. Марена могла знать кого-нибудь, кто разбирается в оберегах. В Лаверне ей после свадьбы пришлось самой знакомиться с мастерами, которые держали в порядке защиту дома. Можно было попросить её назвать толкового человека, а потом предложить Аноре оплатить его работу хоть на год вперёд. Аделия прикинула, как заговорит об этом, и поймала себя на мысли, что перебирает слова так, словно собирается завтра же снова ехать в Варден. С тех пор как Роан отступил от повозки, не прошло и полдня.

Она дописала просьбу, но перечитала и не стала обещать Марене, что знает, как воспользуется ответом. Анора так и не спросила, какую сумму Аделия готова отдать за Роана. Зачем ей соглашаться на чужого мастера, если её устраивает тот, которого она уже купила? Аделии хотелось хотя бы иметь что предложить, когда она снова приедет в Варден, потому что второй раз просить назвать цену было бы унизительно. Хотя она и это сделает, если за ночь не придумает ничего умнее.

Весть из Эймара принёс дроу, который ещё при Эдгаре возил письма между двумя домами. Обычно он передавал их Тессе, а тут сам попросил увидеть госпожу, потому что управляющему нужен был ответ к завтрашнему дню. После дождя протекла крыша над комнатами прислуги. Управляющий нашёл мастера, готового взяться за работу, а тот хотел получить задаток прежде, чем пошлёт за досками.

— Где течёт? Он пишет, над комнатами прислуги, но их там целый ряд, — сказала Аделия. — Когда ты выезжал, людей уже перевели в другое крыло?

— Пока двоих, госпожа. Остальные говорят, что подставят вёдра. Под дождём капало у самых кроватей, а теперь сухо, вот они и надеются, что до завтра обойдётся.

Аделия знала эти комнаты. Они были тесные, и отодвинуть кровать от стены там можно было разве что к самой двери. В Эймаре пустовали две комнаты над прачечной, где после похорон ещё не успели убрать лишние постели. Она велела перевести туда всех, у кого в комнатах сыро, и попросила гонца передать это сразу по возвращении. В записке разрешила выдать задаток из денег дома и попросила сообщить, когда мастер закончит. Приехать в ближайшие дни она не сможет, потому что в Сареле ещё много дел. За ответом гонец мог прийти утром, а сейчас Аделия отправила его на кухню, где ему оставят ужин.

Когда он ушёл, ей захотелось написать управляющему ещё и о том, что делать, если мастер найдёт гниль под досками. Эдгар в таких случаях оставлял решение тому, кто увидит крышу, и она удержалась. Письмо в Эймар было готово. Письмо Марене лежало рядом, и чем дольше Аделия на него смотрела, тем меньше ей нравилось, что даже сестре она рассказывает о Роане через его дар. Марена поймёт, для чего она спрашивает про обереги. Пожалуй, даже спросит потом, чего хочет сам Роан.

Аделия не знала, решилась бы спросить его, если бы они снова оказались вдвоём. Сейчас ей хотелось прежде всего добиться, чтобы у неё была такая возможность. Может быть, потом он скажет, что за годы в Вардене у него появилось что-то, с чем он не хочет расставаться. Ей стоило хотя бы допустить, что она способна услышать это от него и не перебить. Она сложила письмо к Марене и оставила его вместе с ответом управляющему, чтобы утром отдать оба.

С утра с мельницы за рекой привезли муку. Молодой дроу из дома Сарель, с пепельными волосами и тёмно-зелёными глазами, ещё на дворе спросил Тессу, всё ли нести в кладовую. Аделия как раз вышла проводить гонца из Эймара. Он уже забрал её ответ, а письмо к Марене она оставила Тессе, чтобы та отправила его в Лаверн. При виде мешков ей вспомнилось прошение пекаря из Ольховца, которое она читала на прошлой неделе. Он просил одолжить ему муки до следующего помола, потому что у него отсырела часть запаса. Аделия велела передать, что мешок дадут с первой же доставкой, и с тех пор успела забыть, на какой день ждут возчика, но хорошо помнила, что пекарь собирался печь хлеб к завтрашнему торгу.

— Один оставь на повозке, — сказала она молодому дроу. — Отвези его пекарю в Ольховец. Скажи ему, что это тот мешок, о котором он просил.

— Один я уже обещала кухарке, госпожа, — сказала Тесса. — Она с утра просила муки.

— На кухню возьмите из запасов. Пекарю я обещала, что он получит мешок к торгу.

Возчик сказал, что успеет в Ольховец до того, как пекарь затопит печь. Он знал его и прежде возил ему дрова. Аделия собралась идти в дом, когда со стороны ворот окликнули экономку. К дому ехала карета Варденов.

Всё, что Аделия с вечера придумала насчёт новой встречи с Анорой, начиналось с того, что она сама напишет и попросит её принять. Ей даже успело прийти в голову, что та может оставить письмо без ответа, как Вейра оставила последнее прошение о дороге. Теперь Анора явилась без предупреждения. Аделия велела проводить её в малую гостиную и успела заметить, что госпожа Варден приехала с одним кучером. Она ещё не знала, зачем приехала Анора, а уже успела понадеяться, что та привезла с собой Роана.

— Ваши повозки ходят через Ольховец и сейчас? — спросила Анора, когда они остались вдвоём. — У ворот я видела возчика с мукой. Он сказал, что едет туда по вашему поручению.

— Ходят. Сегодня пекарь ждёт мешок с мельницы, и я велела ему отвезти.

Анора сказала, что её возчики тоже могли бы везти заказы для жителей, когда идут порожняком. Аделия почти слышала, как дальше та предложит взять плату за доставку или откажется от неё в первые месяцы. Она уже собиралась сказать, что вчера всё объяснила и менять решение не собирается, но Анора сама заговорила о вчерашнем визите.

— Вы хотели знать мою цену за Роана. Я согласна его отдать, если вы откроете мне проезд через Ольховец.

Аделия обрадовалась так, что чуть не спросила, когда его можно будет забрать. Весь вчерашний вечер она старалась придумать хоть что-нибудь, что заставит Анору снова сесть с ней за стол, а теперь та сама пришла и назвала его имя. Ещё немного, и Аделия поблагодарила бы её. Пришлось отпить чаю, чтобы не заговорить раньше, чем она решит, что может себе позволить сказать.

— За дроу с таким даром я готова хорошо заплатить. Право проезда через мои земли стоит совсем других денег.

— Тогда купите себе другого дроу с таким даром. За него можете заплатить, сколько сочтёте нужным, — сказала Анора. — Вы ведь вчера вернулись за Роаном.

Вот чего Аделия боялась, когда развернулась у кареты. Анора запомнила, что ради него пришлось просить о приёме второй раз, и теперь ей можно было сколько угодно говорить о цене мастера. Она могла бы ответить, что ей нужен человек, который знает обереги Сареля и умеет с ними обращаться, но для этого пришлось бы снова объяснять, почему другой ей не подойдёт. Анора, пожалуй, с удовольствием выслушала бы все причины.

— Вчера вы сказали, что он нужен вам самой, — напомнила Аделия. — Что изменилось за ночь?

— Я посчитала, сколько ещё мои обозы будут ездить по Тальнику, если мы с вами опять разойдёмся без решения. Роан мне нужен, но дорога нужнее. Если вам нужен именно он, вы теперь знаете, сколько он стоит.

Если бы Анора согласилась взять деньги, Аделия могла бы купить Роана сегодня же. Вчера она бы постеснялась назвать сумму, которую теперь готова была отдать. Но Анора просила дорогу, по которой сейчас везли мешок пекарю. Возчик въедет под оберег, минует колодец и остановится у пекарни, где его ждут с утра. Если она включит Варден в оберег, люди будут и дальше жить под куполом и считать, что он так же надёжен, как при Вейре. Ей ведь придётся или сказать им, что теперь это не так, или промолчать и надеяться, что никто никогда не проверит.

— Вы хотите, чтобы я открыла дорогу через сам посёлок. Защита от этого ослабеет, и вы знаете, почему я отказалась вчера.

— Я знаю, что вчера вы отказались от денег за проезд и от починки дороги, — сказала Анора. — Сегодня я предлагаю вам то, за чем вы сами ко мне пришли. Решайте, хотите ли вы ещё об этом говорить.

Аделия могла ответить, что на таких условиях говорить им не о чем, и Анора уехала бы, увозя с собой единственное предложение, которого ей пока удалось добиться. Согласиться она тоже не могла. Ей хотелось хотя бы одного вечера, чтобы подумать, когда рядом не будет Аноры, которой достаточно увидеть, как она обрадовалась при имени Роана.

— Мне нужно время. Я сама напишу вам, когда буду готова ответить.

Анора согласилась подождать и попросила, чтобы ответ не затерялся среди прочих дел. Когда она уехала, Аделия спустилась во двор. Повозки с мукой уже не было, и ей захотелось самой поехать следом, увидеть, как разгружают мешок, и пройти всю улицу от ворот до последнего двора. Вчера ей хватило одного разговора, чтобы отказать. Теперь же предстояло решить, что делать с дорогой, которую она всё ещё не собиралась открывать.

Глава 6

В Ольховец Аделия приехала после полудня. У пекарни ещё стояла повозка Сарелей, и пекарь уговаривал молодого возчика подождать, пока остынет первый хлеб. Возчик объяснял, что ему надо вернуться к ужину, потому что вечером он обещал помочь у конюшни. Пекарь сказал, что к конюшне хлеб как раз остынет, и сунул ему под локоть горячий каравай, завёрнутый в полотенце. Возчик охнул и рассмеялся, а потом заметил Аделию и едва не выронил свой подарок.

— Забирай, раз дают, — сказала Аделия. — Если в конюшне спросят, где ты был так долго, поделись с тем, кто спросит первым.

Пекарь вытер мучные руки о передник и вышел навстречу. Он хотел пригласить её внутрь, но в пекарне у прилавка ждали две женщины, а на пороге мальчишка прижимал к груди пустую корзину и никак не мог решить, куда ему податься. Аделия осталась на улице и спросила, хватит ли ему привезённой муки. Пекарь сказал, что до торга хватит, а к следующей неделе должен прийти его заказ с мельницы. Потом вдруг спросил, не надо ли пока отложить деньги за мешок. Видно, он всю дорогу от печи до двери гадал, зачем госпожа приехала следом за своей повозкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.